

Инна Проскурjak

Истории одного таролога

Карта дома

18+

Инна Проскуряк

Карта дома

«Автор»

2026

Проскуряк И.

Карта дома / И. Проскуряк — «Автор», 2026

Быть тарологом — это не предсказывать судьбу. Это сидеть в кофейне на Гороховой с потёртой колодой и слушать, как люди рассказывают то, что не могут рассказать дома. У меня теперь есть лекторий, совместный подкаст с астрологом, гражданский муж-программист и старый глобус от наставницы. А ещё — мама, которая уехала танцевать танго в Аргентину. И вопрос: что делать, когда всё хорошо, а тебе всё равно страшно? Кажется, пришло время сделать расклад самой себе.

© Проскуряк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Инна Проскуряк

Карта дома

Глава 1

Утро понедельника началось не с кофе, а с упаковки берушей, которую я обнаружила в кармане Лёниного худи. Худи я надела на голое тело, потому что в квартире было холодно, а Лёня в душе пел что-то из «Сектора Газа». И вот я стою босая на кухне, держу в одной руке турку, в другой — этот маленький пластиковый приговор нашей совместной жизни, и думаю: «Сухой остаток, как в бухгалтерии говорили: мой гражданский муж покупает беруши. Чтобы спать рядом со мной».

— Ты храпишь, — сказала я, когда он вылез из душа, шурясь и пахнув хвоей.

Лёня взял у меня турку, потому что я забыла её поставить на плиту и просто стояла с ней как памятник Женщине С Берушами В Руке.

— Я издаю резонирующие звуки, — сказал он с достоинством. — Это акустическая особенность моего носоглоточного аппарата. И кстати, беруши я купил для тебя. Ты во сне разговариваешь.

— Я? Я молчу как рыба! Я вообще во сне святая. Лежу, дышу, никого не трогаю.

— Сегодня в четыре утра ты сказала: «Дима, добавь сиропа, он горький». И потом ещё что-то про Отшельника. Кажется, ты консультировала бармена во сне. Я решил, что это стоит изолировать.

Я села на табуретку и засмеялась. Магнитный енот на холодильнике смотрел на меня с выражением «ну вот, началось». Под ним теперь висели две новые фотографии: мы с Лёней на крыше, где он сказал своё «оставайся», и мама с Сергеем на танго-фестивале — оба в красном, оба сияют. Между ними — старая фотка, где мне восемь лет и у меня нет передних зубов. Лёня повесил её сам. Сказал: «Для баланса. Ты там как маленький Козырь».

Кстати о маме. Ровно в девять утра, когда я наконец налила себе кофе и открыла ноутбук, чтобы проверить паблик, раздался звонок. Видео.

— Ася! — мама сидела на фоне каких-то пальм. — Мы в Сочи! У Сергея здесь конференция по мостостроению, а я хожу на мастер-классы по аргентинскому танго. Ты знала, что в шестьдесят два можно вести в танце? Сергей ведёт. Я за ним как за каменной стеной, только стена танцует.

— Мам, ты в Сочи? Ты же говорила, что у вас билеты в Минск.

— Минск отменился! Там что-то с визами, я не поняла. А в Сочи — солнце! Ты как? Лёня как? Енот как?

— Енот держится. Лёня купил беруши.

Мама замерла. Потом осторожно спросила:

— Ася, у вас всё в порядке?

— Мам, он купил их, чтобы не слышать, как я во сне заказываю у Димы американо. Всё в порядке. Просто мы привыкаем. Спим в одной кровати, делим одеяло, я ворую его худи. Ну, знаешь, как в браке, только без ЗАГСа.

Мама вздохнула. Я прям видела, как она там, под пальмой, подбирает слова.

— Ася, я не давлю. Но мне интересно: вы как-то планируете?..

— Что?

— Ну, дальнейшее. Не в смысле свадьбы, а в смысле вообще. У вас общая жизнь, общая квартира, общий енот на холодильнике. А дальше что?

Я сделала глоток кофе. Честно? Я не знала. У нас всё было хорошо — так хорошо, что мне иногда становилось страшно. Вот честно, страх — он как Повешенный: висишь вниз головой, и мир выглядит иначе, но привыкнуть к этому ракурсу сложно. Мы живём вместе полгода. Лёня сказал «оставайся в любой конфигурации». Я осталась. Но конфигурация — это же не ответ, правда? Это приглашение к диалогу.

— Мам, я таролог, а не футуролог. Давай я тебе как-нибудь расклад сделаю? «Что ждёт твою дочь в личной жизни». Три карты. Если выпадет Башня — перезвоню.

— Ася!

— Шучу. Всё хорошо, мам. Просто я ещё не привыкла, что бывает хорошо. Мне нужно время.

Мама помолчала. Потом сказала неожиданно тихо:

— Я понимаю. Я сама полгода привыкала, что Сергей не исчезнет. Что он утром здесь. Что можно расслабиться. Это страшно — расслабляться. Но ты справишься. Ты мой лучший проект.

— Спасибо, мам. Целую.

— И Лёне привет. Скажи, что беруши — это нормально. Твой папа храпел так, что соседи жаловались. Гены!

И отключилась.

Я сидела над открытым ноутбуком, смотрела на статистику паблика. Пятнадцать тысяч двести подписчиков. Последний пост — про Отшельника в контексте выгорания — собрал двести комментариев. Тарас из Москвы оставил рецензию на мою статью: «Небесспорно, но

структура хорошая. Для таролога-самоучки — отлично». Это он так хвалит. Я уже выучила его язык.

В дверях кухни возник Лёня — в новых худи, на которых было написано «404 SLEEP NOT FOUND», и с ноутбуком под мышкой.

— У меня созвон через пятнадцать минут. Ты сегодня в «Жук»?

— Да, у меня клиентка в час. Девочка, кажется. Молодая совсем, двадцать четыре года. Прислала голосовое на четыре минуты, я прослушала только половину, но там было слово «судьба» шесть раз и «он» — одиннадцать. Так что готовься, вечером будет смешно.

— Ты про клиентов рассказываешь так, как будто это сериал, — Лёня налил себе чай. Он принципиально не пьёт кофе, за что я его иногда подкалываю, но на самом деле мне нравится, что турка всегда моя.

— Лёнь, это вообще-то конфиденциально. Я не называю имён. Я просто делюсь абсурдом. Абсурд — он общий.

— Ладно. Вечером расскажешь. Кстати, — он замялся. — Мне сегодня написал Кирилл. Помнишь его?

— Твой бывший коллега? Который считает, что Таро — это для дурочек?

— Он самый. Он в Питере проездом. Предлагает встретиться. Говорит, хочет познакомиться с моей «ведьмой».

Я фыркнула.

— И ты как?

— Я сказал: «Она не ведьма, она консультант с двумя высшими, и если ты при ней скажешь слово "шарлатанство", я не гарантирую тебе целостность твоего скептического мировоззрения».

— Ты так и сказал?

— Ну, примерно. Короче, если ты не против — можем в пятницу втроём поужинать. Будет весело.

— Это ты сейчас иронично или всерьёз?

— Я надеюсь на иронию, но готовлюсь к серьёзному.

Он ушёл в комнату — там, на стеллаже, рядом с кофемашиной, у него оборудовано рабочее место. Я смотрела ему вслед и думала: вот она, «конфигурация». Мы вместе. У нас быт. У нас его друг, который едет знакомиться с ведьмой. У нас мама под пальмой и Сергей, который танцует. У нас паблик, колонка с Анжеликой, проект с Верой Андреевной. У нас целая жизнь, в которой я до сих пор иногда просыпаюсь с мыслью «а не приснилось ли мне всё это».

Допила кофе. Достала колоду из ящика стола — старенькую, потёртую, с пятном от про-секко на Императрице. Перетасовала. Вытянула одну карту. Просто так. Для себя. Без вопроса.

Звезда.

И убираю колоду в сумку. Впереди — «Жук», Дима, американо и девочка, которая один-надцать раз сказала «он». Впереди — новая глава. И кажется, я к ней готова.

На кухне зашипела кофемашина. Лёня снова её включил. Глобус-бар на подоконнике слегка покосился. За окном начинался дождь.

Всё было на своих местах.

Глава 2

В «Жуке» пахло корицей и дождём. Дима за стойкой протирал кофемашину с таким выражением лица, будто она сообщила ему что-то глубоко личное, а он теперь обдумывает. Я повесила мокрый плащ на спинку стула, кивнула ему и сказала:

— Американо. И сироп.

Дима поднял бровь.

— Какой?

Я задумалась. Девочка, двадцать четыре года. Голосовое на четыре минуты. Одиннадцать «он» и шесть «судьба». Тут даже гадать не надо.

— Имбирный. Будет драма.

Дима хмыкнул и взялся за чашку. Я села за свой столик у окна, достала колоду. Императрица блеснула пятном от просекко — кажется, оно стало чуть больше. Может, у неё там своя жизнь, и по ночам она ходит на вечеринки.

Клиентка опоздала на семь минут. Впорхнула — другого слова нет: лёгкое пальто, мокрые кудряшки, огромные глаза, в которых помещалось всё человеческое отчаяние разом. Плюхнулась на стул, смахнула чёлку и выдохнула:

— Я к вам как к последней надежде.

— Ну, — сказала я, — для последней надежды у меня слишком хороший кофе. Давай сначала познакомимся. Я Ася, это карты, это американо. Тебя как зовут?

— Настя. Можно без кофе, я и так на нервах.

— Без кофе на нервах нельзя. Дима сделает тебе какао. С маршмэллоу. Это успокаивает.

Дима, не дожидаясь заказа, уже насыпал какао-порошок. Я мысленно повысила ему зарплату, которую он не получал.

— Рассказывай, — я разложила карты рубашкой вверх. — Только без «я не знаю, с чего начать». Начни с того, из-за чего ты здесь.

Настя шмыгнула носом. И начала. История была такая: есть Он. Назовём его Артём. Артёму двадцать семь, он работает в IT, носит бороду и, цитирую, «смотрит на неё так, как будто хочет что-то сказать, но не говорит». Они встречаются — или не встречаются, тут Настя сама запуталась — уже полгода. Он то ночует у неё, то пропадает на неделю. То пишет «ты моя самая», то сухо отвечает на сообщения. То приходит с вином и говорит, что никого ближе у него нет. То говорит, что «ему нужно личное пространство».

— И я не понимаю, мы вместе или нет? Он меня любит или я просто удобный вариант? И главное, — Настя подалась вперёд, — я боюсь спросить. Потому что если спрошу, он может ответить. И ответ мне не понравится. Понимаете?

— Понимаю, — я кивнула. — Это называется «сидеть на чемодане без ручки»: нести тяжело, бросить жалко, а открыть и посмотреть, что внутри, страшно. Ну что, давай посмотрим, что там у тебя под капотом.

Я перетасовала колоду. Карты скользили привычно, тепло. Перевернула три.

Первая — Верховная Жрица.

— Вот, — сказала я, — смотри. Женщина сидит между двух колонн. Чёрная и белая. Ты сейчас — она самая. Застыла посередине и ждёшь. Чего? Знака. От него. От Вселенной. От кого угодно, лишь бы тебе не пришлось принимать решение самой.

Настя моргнула.

— Это плохо?

— Это не плохо и не хорошо. Это просто факт. Ты ждёшь, что он скажет. А он не говорит. И ты думаешь: «Наверное, я что-то делаю не так». Но Верховная Жрица — она не про действия. Она про внутреннее знание. Ты на самом деле всё уже про него понимаешь. Просто не хочешь себе в этом признаваться.

Я перевернула вторую карту. Рыцарь Кубков. Перевернутый.

— Ну вот он, твой Артём. Рыцарь Кубков — это романтик, красавчик, весь в чувствах. Но в перевернутом положении он означает примерно следующее: человек, который обещает больше, чем может дать. Эмоциональные качели. Он сам не знает, чего хочет, но очень красиво это оформляет. «Ты моя самая» — это он умеет. А быть рядом в понедельник утром — это уже сложнее.

— Господи, — Настя прижала ладонь ко рту, — это же он. Просто он. Вы даже не знаете его, а как будто описали.

— Я не описывала, — я пожала плечами. — Карты показали, я перевела с таросьего на человеческий. Давай третью.

Третья карта — Восемёрка Мечей.

Я присвистнула.

— Слушай, у меня для тебя две новости. Первая: ты в ловушке. Восемь мечей вокруг женщины, глаза завязаны. Но посмотри, — я развернула карту к ней, — мечи не касаются её. Они просто стоят. Она могла бы выйти. Но не выходит, потому что с завязанными глазами проще. Не видишь выхода — можно не идти.

— А вторая новость?

— Ты сама себе завязала глаза. Не он. Не Артём. Ты.

Настя замолчала. Дима поставил перед ней чашку с какао — маршмэллоу плавали сверху белыми облачками. Она машинально взяла её, отпила. Потом посмотрела на меня.

— И что мне делать?

— Спросить.

— Что?

— Спросить у него прямо. «Мы вместе или нет? Чего ты хочешь?» И быть готовой услышать ответ. Любой.

— А если ответ мне не понравится?

— Тогда ты снимешь повязку, — я постучала по Восьмёрке Мечей. — С завязанными глазами жить можно. Но довольно неудобно. Особенно если в квартире есть углы.

Она засмеялась. Сквозь подступающие слёзы, но засмеялась. И я вдруг вспомнила себя — не то чтобы в двадцать четыре, а скорее в двадцать девять, когда я ушла из банка в никуда с потрёпанной колодой и ощущением, что земля уходит из-под ног. Я тогда тоже сидела и ждала знака. А знак не пришёл. Пришлось прыгать самой.

— Знаешь, — сказала я, убирая карты, — он не злодей. Твой Артём. Он просто запутанный парень, который не умеет говорить о чувствах. Но твоя задача — не его распутывать. Твоя задача — решить, готова ли ты ждать, пока он научится. И сколько ещё месяцев твоей жизни ты хочешь провести с завязанными глазами.

Настя допила какао. Достала кошелёк. Я продиктовала сумму — две с половиной тысячи. Она заплатила, застегнула пальто, постояла немного у столика.

— Я спрошу, — сказала она. — Сегодня. Мне страшно, но я спрошу.

— Это правильно. Слушай, если что — напишешь. Я в пабlike отвечаю.

— А вы всем отвечаете?

— Всем, кто не требует от меня магического приворота и чистки ауры от сглаза. Этим я рекомендую хорошего психотерапевта и блокирую.

Она ушла. Дождь за окном усилился. Дима подошёл и забрал пустую чашку.

— Драма? — спросил он.

— Умеренная. Рыцарь Кубков в перевёрнутом положении. Бывает.

— У меня сегодня подкаст про берестяные грамоты, — сказал Дима задумчиво. — Там одна грамота — женщина пишет мужу: «Пришли мне денег или возвращайся». Двенадцатый век. А проблемы те же.

— Дима, ты философ. Ладно, я ещё поработаю, если не возражаешь. У меня пост в паблик и колонка с Анжеликой. Подождёшь?

— Я до восьми, — он пожал плечами. — Мне всё равно надо кран в туалете чинить.

Я открыла ноутбук. Написала Алисе — так, кажется, звали следующую клиентку, которая записывалась в соцсетях: «Привет! Жду завтра в час дня, кофейня „Жук“ на Гороховой, столик у окна. Если опоздаешь — ничего, я всё равно там сижу с кофе». Потом открыла чат с Анжеликой.

Ася: «Анжел, у нас колонка в среду. Есть идея».

Анжелика: «У меня тоже. Говори».

Ася: «Давай про то, как мы ждём знаков, хотя сами всё знаем. Я сегодня клиентку консультировала — девочка двадцать четыре года, сидит в ловушке из восьми мечей и ждёт, что мужик скажет ей, любит или нет. И я подумала: а сколько раз я сама так делала?»

Анжелика: «О! В точку. У меня тема: Сатурн учит ждать, а Луна учит хотеть. И мы между ними. Напишем диалог?»

Ася: «Давай. Я про Таро, ты про звёзды. И в конце общий вывод: спрашивать страшно, не спрашивать — себе дороже».

Анжелика: «Кстати, о спросить. Ты Лёне задавала какой-нибудь страшный вопрос за последнее время?»

Я задумалась. А ведь нет. Не задавала. Мы просто жили вместе, и всё было хорошо, и я боялась эту хорошесть спугнуть. Как Настя, честное слово. Только мне не двадцать четыре, а тридцать один, и у меня колода, а не завязанные глаза. Но страх — он одинаковый в любом возрасте.

Ася: «Я, кажется, только что нашла тему для личного расклада».

Анжелика: «Расскажешь?»

Ася: «Потом. Сначала колонка».

Я закрыла ноутбук. За окном текли серые питерские сумерки. Дима действительно чинил кран — из подсобки доносилось металлическое позвякивание. В «Жуке» было тепло и уютно.

Я вытянула из колоды одну карту. Просто так. Для себя.

Двойка Кубков.

Двое. Друг напротив друга. Чаши в руках.

— Ладно, — сказала я карте. — Поняла. Спрошу.

И убрала колоду в сумку.

Глава 3

Дома пахло хвоей и чем-то жареным. Лёня стоял у плиты — в худи «404 SLEEP NOT FOUND» и фартуке с покемоном Пикачу, который ему подарила мама на Новый год. Он принципиально не снимал фартук, потому что «если я готовлю, то имею право на любой визуальный абсурд».

— У нас ужин или пожар? — спросила я с порога.

— У нас котлеты из индейки и твоя любимая гречка с грибами, — Лёня перевернул лопаткой что-то шкварчащее. — Ты вовремя. У меня новость.

— У меня тоже. Но давай сначала котлеты.

За ужином я пересказала Настю. Рыцарь Кубков перевёрнутый, Восьмёрка Мечей, «я боюсь спросить, потому что он может ответить». Лёня слушал, кивал, а потом сказал:

— Знаешь, это смешно, но мой Кирилл — это примерно та же история. Только в профиле.

— В смысле?

— Ему сорок один, он тимлид в крупной компании, зарабатывает раза в три больше меня. И он до сих пор не женат. Не потому что не хочет. А потому что, цитирую, «не нашёл ту самую». При этом каждые полгода у него новая девушка, и каждая — «не та». Как будто он ждёт, что женщина его мечты однажды материализуется из воздуха и сразу с готовым бизнес-планом семьи на пять лет.

— То есть твой Кирилл — это Рыцарь Кубков перевёрнутый в мире айтишников?

— Именно. Красивые жесты, эмоциональные качели, а потом «мне нужно пространство». Только у него это не пространство, а дедлайн по спринту.

Я засмеялась. Потом вспомнила, что хотела спросить.

— Лёнь, а мы? Мы как?

Он отложил вилку.

— В смысле «мы как»?

— Я сегодня консультировала Настю и поняла, что сама боюсь задать тебе вопрос. Потому что у нас всё хорошо, а когда хорошо — страшно спрашивать. Вдруг ответ не понравится.

Лёня смотрел на меня серьёзно. Без сарказма. Редкий режим.

— Спрашивай.

— Что дальше? Ты сказал «оставайся в любой конфигурации». Я осталась. Мы живём вместе. У нас быт, у нас общий енот на холодильнике, у нас планы на лето. Но я не понимаю — это оно и есть? Наш финальный формат? Или мы ещё в процессе?

Лёня откинулся на стуле.

— Ты про ЗАГС?

— Не про ЗАГС. Вернее, не только. Я про будущее вообще. Дети, ипотека, переезд в другой город, если тебе предложат. У нас нет общей рамки. У нас есть «в любой конфигурации», но конфигурации бывают разные.

Он кивнул. Встал, налил себе чаю — он всегда это делает, когда ему нужно подумать. Потом сел обратно.

— Я не хочу в ЗАГС, — сказал он.

Я моргнула. Хотя внутри вообще-то упало. Но я продолжала сидеть с лицом «я таролог, меня ничем не пробьёшь».

— Не хочу, потому что это не решает ничего, — продолжил Лёня. — Штамп в паспорте не гарантирует, что мы не расстанемся через пять лет. Не гарантирует, что мы будем друг друга уважать через десять. Это просто ритуал. А я хочу с тобой быть не из-за ритуала.

— Тогда из-за чего?

— Из-за того, что ты — единственный человек, с которым я могу молчать без неловкости. Из-за того, что ты во сне зовёшь Диму и просишь сироп, а я от этого ржу, а не раздражаюсь. Из-за того, что ты считаешь мои недостатки багами и предлагаешь применить патч. Ты — мой человек. В любой конфигурации. Я хочу детей. Когда-нибудь. Я хочу домик за городом. Когда-нибудь. Я хочу, чтобы мы старели вместе и ты гадала мне на Таро, когда у меня откажет что-нибудь важное. Вот что я хочу. Это рамка или нет?

Я молчала. Лёня допил чай и сказал:

— Если тебе нужен ЗАГС — давай ЗАГС. Я не против. Но я хочу, чтобы это был не страх, а выбор. Не «мы должны», а «мы хотим». Понимаешь?

Я кивнула. Потому что понимала. И потому что мне нужно было переварить это «я хочу детей» и «домик за городом». Потому что Лёня до этого никогда не говорил про детей. Ни разу.

— Ты не говорил про детей, — сказала я.

— Ты не спрашивала, — он пожал плечами.

— Я боялась.

— Вот видишь. А всего-то надо было сказать «я боюсь спросить, потому что ответ может мне не понравиться». Быстро. Без завязанных глаз.

Я засмеялась. Потому что он процитировал мой расклад. Слышал. Запомнил.

— Лёня, ты невыносим.

— Я знаю. Но я готовлю тебе котлеты. Считаю это моим любовным языком.

Позже, когда он ушёл в комнату работать над каким-то багом пятой версии, я села за стол и открыла ноутбук. Пора было писать колонку с Анжеликой. Тема: «Спрашивать страшно, не спрашивать — себе дороже».

Ася: «Знаешь, что самое смешное? Я целый день консультирую людей на тему „почему вы боитесь спросить партнёра о главном“. А потом прихожу домой и понимаю, что сама боюсь того же самого. Вопрос детей мы, оказывается, оба обходили по кривой как Отшельник вокруг костра. Просто чтобы не задеть. Не спугнуть».

Анжелика: «Это классика. Сатурн делает взрослые темы страшными, потому что они — навсегда. Дети — это не кредит на три года. Это пожизненно. И признаться, что хочешь этого с конкретным человеком, — страшнее, чем взять ипотеку».

Ася: «Но знаешь, в чём штука? Лёня сказал то же, что я говорю клиентам. „Я не против. Но давай из выбора, а не из страха“. И я поняла: я реально ждала знака. Хотела, чтобы он сказал первый. Чтобы Вселенная дала мне зелёный свет. А он просто взял и сказал. Без знаков».

Анжелика: «У меня похожая история. Я три года ждала, что мой бывший созреет до серьёзных отношений. Он так красиво говорил про Меркурий, про духовный рост, про то, что мы „в потоке“. А на деле просто не хотел ничего решать. И когда я спросила в лоб — он исчез. Обидно было? Да. Но хотя бы честно».

Ася: «Слушай, а давай про это колонку сделаем? „Знак не придёт: почему мы ждём сигнала, хотя всё уже знаем“. Ты — про астрологические иллюзии, я — про Таро».

Анжелика: «Берём. Кстати, о сигналах. У меня завтра клиентка — приходит третий раз за полгода. Каждый раз с одним и тем же запросом. „Когда он вернётся“. Он не вернётся, Анжелика, он женат и живёт в Новосибирске! Но она ждёт знака».

Ася: «Вот! Про это и напишем. Про то, как мы годами сидим в Восьмёрке Мечей. С повязкой на глазах. Ждём, что кто-то придёт и снимет. А снять можем только сами».

Колонка получилась отличная. Я перечитала — смешно, честно, ни капли пафоса. Отправила Анжелике на вычитку. Она ответила через полчаса: «Гениально. Выпускаем в среду?»

Я закрыла ноутбук. В комнате мигала красная точка проектора — standby. За окном — тёмный питерский вечер. На кухне тихо гудел холодильник. На его дверце — три фотографии под магнитом-енотом. Я в восемь лет без зубов. Мама с Сергеем в красном. Мы с Лёней на крыше.

Я подошла, поправила магнит. Енот смотрел на меня с выражением «ну вот, теперь у тебя ещё и дети в планах».

— Сама в шоке, — сказала я еноту.

Заглянула в комнату. Лёня сидел за ноутбуком, в наушниках, сосредоточенный. На экране — строки кода. Я не стала его отвлекать. Просто заварила себе чай (чай! я, которая пьёт кофе литрами, заварила чай — видимо, влияние среды) и села на подоконник.

Глобус-бар стоял рядом, открытый. Внутри — ни виски, ни коньяка. Только Лёнин старый плеер, который он почему-то хранит как реликвию. Я когда-то спросила: «Зачем тебе плеер, если есть Spotify?». Он ответил: «Там музыка, которую я слушал в семнадцать лет. Это как машина времени».

Вот так и живём. С плеером в глобус-баре. С берушами в кармане худи. С енотом на холодильнике. С вопросами, на которые мы наконец-то начали отвечать.

Перед сном я перетасовала колоду. Вытянула карту на завтра. Колесо Фортуны.

— Ну, — сказала я, — перемены, значит.

Лёня, уже в кровати, поднял голову.

— Ты с кем разговариваешь?

— С Колесом Фортуны. Не мешай, у нас интимный момент.

— Понял. Позови, если что.

И отвернулся к стенке. Через минуту задышал ровно. Я смотрела на него и думала: мы спросили друг у друга самое страшное. И оба ответили. И никто не ушёл. И это, пожалуй, самый точный расклад из всех.

Утро вечера мудренее. А карты — они просто картинки. Главное — кто сидит рядом, пока ты их тасуешь.

Ты прав, моя ошибка. Во второй книге Ася и Анжелика уже запустили совместную колонку, а тут у меня они обсуждают это как новую идею. Давай перепишем главу 4 полностью, сохранив линию с Кириллом, но убрав несостыковку. Колонка уже существует — значит, пусть обсуждают её развитие: подкаст или прямые эфиры. И добавлю больше взаимодействия с Лёней перед ужином.

Глава 4

Пятница наступила быстрее, чем я успела морально подготовиться. Встреча с Кириллом была назначена на семь вечера в ресторане на улице Рубинштейна — Лёня выбрал место с формулировкой «чтобы если что, можно было быстро сбежать». Я оценила стратегическое мышление.

С утра я сидела в «Жуке» и перебирала комментарии к нашей с Анжеликой последней колонке. Та самая — «Знак не придёт: почему мы ждём сигнала, хотя всё уже знаем» — собрала почти пятьсот комментариев и сотню репостов. Люди писали: «Вы как будто подслушали мой разговор с мамой», «Я три года ждала, что он вернётся, а после вашего текста заблокировала его везде», «Ася, а можно расклад на тему "как перестать ждать и начать жить"?».

— Пятьсот комментариев, — сказала я Диме, который протирает стойку. — Это мой личный рекорд.

— Поздравляю, — Дима не оторвался от своего занятия. — Мой личный рекорд — двадцать четыре берестяные грамоты за вечер. Но меня никто не репостит.

— Ты просто недооценён, Дима. Ты — бриллиант в мире кофеен.

— Я знаю, — он пожал плечами. — Мне норм.

В час дня пришла Анжелика. В платье цвета индиго, с серебряными звёздами в ушах и с ноутбуком под мышкой. Она заказала капучино с миндальным сиропом (вспоминать бывшего — это миндальный, классика) и плюхнулась за мой столик.

— Видела цифры? — спросила она вместо приветствия.

— Видела. Полтысячи. Это невероятно.

— Я тут подумала, — Анжелика открыла ноутбук, — наша колонка — это хорошо. Текст — это моё. Но пятьсот комментариев за три дня — это запрос на что-то большее. Люди хотят слышать нас. В прямом смысле слышать. Голос, интонацию.

— Ты про подкаст?

— Про подкаст. Или прямые эфиры. Раз в неделю. Мы сидим, обсуждаем тему, ты тасуешь карты, я рассказываю про транзиты. Люди задают вопросы в реальном времени.

Я сделала глоток американо. Идея мне нравилась. Честно. Но было одно «но».

— Ангел, ты же знаешь, я на видео выгляжу как испуганный енот. У меня лицо не для Ютуба. И голос — он у меня в жизни нормальный, а как запись — я сама себе кажусь какой-то... не знаю... училкой младших классов.

— У тебя прекрасный голос. Тёплый, с хрипотцой. И лицо нормальное. У меня есть кольцевая лампа. Вера Андреевна подарила.

— Вера Андреевна подарила тебе кольцевую лампу?

— Сказала: «Анжелика, если ты хочешь нести астрологию в массы, позаботься о том, чтобы у тебя были глаза, а не тени под ними». Ей шестьдесят семь, а она в этом понимает больше, чем я в тридцать четыре. Кстати, о Вере Андреевне, — Анжелика помедлила. — Ты с ней в последнее время общалась?

— Созванивались по зуму. Обсуждали программу курса. А что?

— Она какая-то... не знаю. Уставшая. Я ей звоню, а она говорит: «Анжелика, всё хорошо, просто возраст». Но она никогда раньше про возраст не говорила. Может, тебе к ней заехать? Ты с ней вроде как партнёр по курсу. Тебе она, может, больше расскажет.

Я кивнула. Мысленно поставила галочку: «Вера Андреевна, заехать на неделе». Спросить про здоровье. Про чай с сухариками. Про то, что она никогда не говорит просто так.

— Ладно, давай про подкаст, — я вернулась к теме. — Если делать, то как? Название? Частота? Кто нас будет слушать?

— Название можно оставить от колонки: «Ася и Анжелика против эзотерического пафоса». Раз в неделю. По средам. Час. Я беру на себя техническую часть — у меня есть знакомый звукорежиссёр, он сделает нормальный звук. Ты — контент. И карты. Будешь в прямом эфире делать мини-расклады для зрителей.

— В прямом эфире? Анжел, это страшно. А если я вытяну Башню кому-нибудь в прямом эфире?

— Значит, скажешь: «Это не конец, это трансформация, потерпите». Ты справишься. Ты вообще-то на конференции в Москве выступала. И тебя хвалили. Даже Тарас похвалил. Сдержанно, но похвалил.

— Тарас сказал: «Небесспорно, но структура хорошая». Это не похвала, это диагноз.

— Для Тараса это ода.

Мы засмеялись. Договорились в понедельник сесть и всё расписать подробно: формат, темы, тестовый эфир. Анжелика ушла, оставив после себя запах какого-то сложного парфюма и ощущение, что всё завертелось быстрее, чем я думала.

А вечером был Кирилл.

Я стояла перед шкафом и перебирала вещи. Кто я сегодня? Ася-таролог? Ася — бывшая сотрудница банка? Ася — девушка Лёни, которую хотят проверить на прочность? В итоге выбрала джинсы, свитер с печальным оленем и туфли. Олень — он как талисман. Если человеку не понравится мой олень, нам не по пути.

Лёня ждал в прихожей. Я замерла.

— Ты надел свитер.

— Это для контекста, — он пожал плечами. — Если приду в худи «404 SLEEP NOT FOUND», Кирилл решит, что я регрессировал. А так я типа взрослый. У которого взрослая девушка.

— И девушка с оленем.

— Олень прекрасен. Пошли.

Ресторан был из тех, где меню написано мелом на доске, а официанты делают вид, что им интересно рассказывать про сорта крафтового пива. Кирилл уже сидел за столиком — высокий, в клетчатой рубашке, с аккуратной бородой. В руке — бокал тёмного пива. Выражение лица — «я пришёл разобраться».

— Привет, — Лёня пожал ему руку. — Это Ася.

— Очень приятно, — Кирилл улыбнулся. Улыбка была ничего. Почти тёплая. Но глаза — оценивающие. — Лёня столько про вас рассказывал.

— Надеюсь, не только про карты.

— Нет, — он усмехнулся, — ещё про то, что вы работали в банке. Это внушает уважение. Банк — это серьёзно.

— В банке я считала кредитные риски. Теперь считаю риски человеческих отношений. Не знаю, что страшнее.

Кирилл хмыкнул. Заказ сделали быстро: Лёня взял стейк, Кирилл — рыбу, я — салат с креветками. Разговор пошёл про старое: кто где работает, кто женился, кто развёлся. Кирилл рассказал, что недавно расстался с девушкой. «Она хотела детей. Я не был готов. Опять».

Я молчала. Про детей я теперь знала кое-что новое. Но лезть в душу к малознакомому человеку не собиралась.

А потом Кирилл отставил бокал и сказал:

— Ася, можно прямой вопрос?

— Валяйте.

— Вы правда верите, что карты что-то предсказывают?

Лёня напрягся. Я видела, как он сжал челюсть — всегда так делает, когда ждёт конфликта.

— Нет, — сказала я.

Кирилл моргнул.

— В смысле — нет?

— Я не верю, что карты предсказывают будущее. Это просто картинки. Но картинки работают. Знаете, как... — я искала сравнение. — Вот вы код пишете? Лёня говорил, вы тимлид.

— Пишу, бывает.

— Код — это просто символы. Но они запускают процессы. У меня так же. Карты — это язык образов. Когда ко мне приходит человек и говорит «я запуталась», я не говорю: «Давайте узнаем судьбу». Я говорю: «Давайте посмотрим на вашу ситуацию через картинки». И когда она видит Восьмёрку Мечей — женщину с завязанными глазами, — она вдруг понимает: это я. А дальше мы уже разговариваем про то, как эту повязку снять. Карты — это повод для разговора. Не больше.

Кирилл молчал. Отпил пива.

— То есть вы не магичка?

— Нет. Я консультант с картинками. У меня два высших, ни одного магического. Банковское дело и менеджмент. Магии не обучали. Даже на корпоративах.

Лёня засмеялся. Кирилл посмотрел на него, потом на меня.

— А Лёня говорил — ведьма.

— Лёня шутит. И преувеличивает. Вот он, например, говорит, что я храплю. Но научных доказательств нет.

— Я купил беруши, — уточнил Лёня, не поднимая глаз от стейка.

Кирилл расхохотался. Лёд треснул.

Дальше ужин шёл легче. Кирилл рассказал про работу: устал от менеджмента, хочет уйти в стартап, но боится. Ипотека. Возраст. «Сорок один — это уже не тридцать, когда можно всё бросить и начать заново».

— Можно, — сказала я. — У меня клиентка есть, ей восемьдесят два года. Приходит раз в месяц. Говорит: «Ася, в моём возрасте я понимаю, что бояться надо было не в сорок. И не в пятьдесят. Бояться вообще не надо было».

— А можно... — Кирилл замялся. — Можно мне тоже? Ну, эти ваши карты. Чисто из любопытства.

Я достала колоду из сумки. Императрица блеснула пятном от просекко. Кирилл смотрел на колоду как на инопланетный артефакт.

— Три карты, — сказала я. — Первая: что вас держит. Вторая: что будет, если останетесь. Третья: что будет, если рискнёте.

Перетасовала. Вытянула.

Первая — Девятка Пентаклей.

— Женщина в своём саду. Всё есть. Дом, деньги, стабильность. Она сама всего добилась. Но она одна. Это ваша текущая ситуация: есть что терять. Это и держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.